

ЕКАТЕРИНА
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
ЗЕРКАЛО

МОСКВА
2021

УДК 821.161-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Р62

Художественное оформление *С. Власова*

Фото Е. Рождественской на переплете
и суперобложке из личного архива автора

Рождественская, Екатерина Робертовна.

Р62 Зеркало / Екатерина Рождественская. — Москва :
Эксмо, 2021. — 256 с.

ISBN 978-5-04-115937-5

Зеркало — это как подробная книга, надо только уметь ее прочитать. Вот и читаю такие книги всю жизнь. Оно тонкий проводник из одного мира в другой.

Екатерина Рождественская — писатель, фотохудожник, дочь известного поэта Роберта Рождественского.

История одной московской семьи в нескольких поколениях и большого родового зеркала, стоящего в гостиной. У вас дома висит зеркало. Иначе и быть не может. Вот и представьте, сколько оно видело за долгую зеркальную жизнь. Какие события происходили в его присутствии — свадьбы, смерти, любви, страсти, скандалы, рождения. Как оно впитывало человеческие события и эмоции, как оно их пожирало.

Вроде ничего особенного...

УДК 821.161-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Рождественская Е., 2021

© Оформление.

ISBN 978-5-04-115937-5 ООО «Издательство «Эксмо», 2021

— Сонюшка, может, лучше не пойдем? Я волнуюсь! Вдруг раньше начнется?

В большое, с пола до потолка, зеркало смотрелся чуть седой подтянутый мужчина, статный, усатый, во фраке и бабочке. Он подкручивал ус, который топорщился и не желал красиво загибаться. Чуть поодаль стояла совершенно седая женщина, полноватая, с мягкой улыбкой, красиво прибранная, ухоженная, уютная, чем-то похожая на добрую фею из сказки про Золушку. Она куталась в большую шаль с кистями и улыбалась.

— Ну что ты, — раздался молодой женский голос из спальни. — Чтобы Новый год и дома? Как ты себе это представляешь? Я ж не больная какая, мне и потанцевать хочется!

— Сонюшка, ну какое танцевать? Ты меня пугаешь! — воскликнул Андрей Николаич.

— Да уж, вы приглядите за ней, — попросила Наталья Матвеевна, Сонюшкина бабушка.

Сонюшка вышла из спальни, поправляя накидку, которая не могла уже прикрыть большой выпирающий живот.

— Не волнуйся, пожалуйста, еще целых две недели!

Мужчина отошел на шаг и оценивающе взглянул на жену.

— Какая ты у меня красавица!

Андрей Николаевич Незлобин, профессор Московского биологического факультета, год назад женился на своей курсистке Сонечке Гриневич, которая с удовольствием и рвением изучала жизнь бабочек на Высших женских курсах, где Андрей Николаевич преподавал. Он был человеком достойным, уважаемым, хотя каждая курсистка, видимо, удивлялась, как человек такой мужественной наружности, такой приличный и, можно сказать, яркий господин, по облику подходящий скорее для генеральской формы и геройских подвигов, всю жизнь пробегал за бабочками и был вполне доволен своей судьбой. Хотя ничего от военного в характере у Андрея Николаевича не было. Профессия его называлась очень романтично — лепидоптеролог, человек, занимающийся бабочками, точнее, чешуекрылыми насекомыми. Молоденькие

курсистки, чуть исковеркав это умное латинское название, стали, конечно же, именовать его, чуть краснея, несколько по-другому, «либидоптеролог». Удивительно, как он до своих тридцати восьми лет оставался совершенно неженатым, это было просто удивительно! Хотя когда ему было жениться? Он постоянно путешествовал, ездил в долгие заморские экспедиции, бегал по тропическим лесам с сачком и радовался, как мальчик, когда ловил какое-то редкое чудо. Обошел почти всю Южную Америку и там, в богом забытой маленькой Боливии, возле озера Титикака, поймал двух странных бабочек — удивительных, беленьких, с ярко-красными верхними крылышками, и можно сказать, совсем непримечательных, если бы не одно, вернее, два «но» — у одной на крыльях было красиво и четко прорисовано число 88, а у другой — 89. Так это тогда поразило молодого Незлобина, что он решил, что будет разгадывать этот тайный смысл, эту загадку природы, этот шифр, если хотите, эту *Diaethria eluina* из семейства нимфалид, саму волшебную нимфу, никак не иначе. И теперь дома, на стенке перед зеркалом, две эти бабочки из той дальней поездки висели в рамочке под своими природными порядковыми номерами — 88 и 89, мало чем остальным друг от друга отличаясь. А где же те,

что до и после, думал Незлобин, хотя знал, что попадались, но не ему, бабочки с числами 13, 56 и 80. Почему именно такие?

Вот и рассуждал он на эти темы с ученицами, предлагая им делать свои предположения, думать по-ученому, строить гипотезы и жизнь эту красивую бабочью рассматривать уже под иным, научным, а не просто романтическим углом. Ученицы вздыхали, волооко смотрели на профессора и время от времени поправляли волосы, картинно взмахивая рукой. Сонечка Гриневич волосы не поправляла, не вздыхала и к бабочкам отношение имела не вздыхательное, а вполне исследовательское, поначалу рассматривая профессора Незлобина как необходимое приложение к миру чешуекрылых, или насекомых с полным превращением, если уж говорить по-научному. И как водится в природе, если бабочка сама не летела на профессорский огонек, еле заметный из-за обилия других девичьих полупрозрачных крылышек, огонек этот заколыхался сам, и феромоны пошли в нужном направлении, к Сонечке Гриневич. Ей, как и всем курсисткам, было чуть больше двадцати. Нельзя сказать, что она была писаной красавицей, нет, она была хороша собой и светилась какой-то внутренней красотой, которая с первого раза и неразличима, а потом прозреваешь

чуть сгибался, пытаясь прочесть ее почерк и наслаждаясь чуть слышным сливочным ароматом французских «Жижи», разделяя, как химик, его на составные: сначала, на верхних нотах, чувствовались бергамот с розмарином, которые вдруг смывались лавандой с жасмином, и вот шла основа, узнававшаяся уже где-то на большой глубине вдоха — кожа, специи, сандал, палисандр. Все вместе это смешивалось в аромат, прекрасно подходящий, видимо, и мужчине и женщине, дразнящий, интригующий и томный одновременно. Профессор выпускал из ноздрей этот волнующий запах, уже оказавший нужное влияние на его подсознание, а Сонечка подносила руку к тому самому месту на шейке, где от страстного вздоха чуть шевелились ее рыжеватые локоночки. Девушки, сидящие сзади, гневно переглядывались и шипели, не понимая совсем, как Сонька, не прикладывая никаких видимых усилий, прилепила к себе такого завидного мужчину, а они, как ни стараются, всё как рыба облед! Хотя Сонечка поначалу давала понять, что не интересуют ее эти профессорские феромоны, что не станет она, как мотылек, лететь на сомнительный фитилек — уж слишком хорош был Андрей Николаич, чтоб вот так вдруг ею заинтересоваться! Вон у него какой выбор! Почему именно она? И держалась из последних сил, хотя

предательские мурашки уже начинали бегать по телу, когда она видела, что учитель отходит от своего огромного стола и начинает движение по периметру класса, сначала мимо высоких окон, потом мимо стеклянных шкафов с экспонатами, затем уже по ряду, где сидела она, Соня. Профессор подходил все чаще, почти на каждом занятии, нагибался все ниже, к самому ее ушку, и шептал, чтобы якобы не мешать остальным:

— Госпожа Гриневич, у вас стоят неправильные сроки... Надо же синхронизировать выход самцов и самок. — Он брал минутную паузу и продолжал: — Необходим естественный выход из диапаузы, правильно? Скажем, 10 дней у кого? — И он еще ниже наклонялся к Сонечке, пытаясь услышать ответ.

— У павлиньего глаза? — робко спрашивала она.

— Уточните, пожалуйста, — настаивал профессор вполголоса и вставал уже от нее сбоку, чтобы ненароком прикоснуться к ее плечу.

— Ох, извините, сударыня, так какой именно павлиний глаз?

— Малый? — снова спрашивала Сонюшка, поднимая глаза.

— Не просто малый, а малый ночной, — уточнял профессор. — Он летает ночью, когда многие насекомые спят. Ночью... — И он снова

вздыхал о чем-то своем. — А, скажем, бабочки грушевой сатурнии выходят через 35, а то и 40 дней! Столько формируется простая бабочка! А кролик или хомяк вынашивается всего 20 дней, это же так удивительно, вы не находите?

Соня находила и теперь уже сидела в предвкушении этих каждодневных профессорских подходов и наклонов к ней, заливалась румянцем, теребила косу и ждала, что Андрей Николаич ей скажет, искала иносказательный смысл и была к этому смыслу почти готова. Все складывалось само собой, но длиться эти подходы и наклоны могли годами, ни та, ни другая сторона настойчивости не проявляла, он — из-за своего служебного положения, внутренней сдержанности и невозможности завязать отношения с курсисткой, она — в силу неопытности, наивности и трепета. И вот курсы уже заканчивались и оставалось одно практическое занятие перед экзаменами — выезд на природу, поимка дневных и ночных бабочек, их классификация, усыпление и сохранение.

Выбрали хороший денек, отправились в Фили с Брестского вокзала, где находилась старая профессорская дача. Взяли все необходимое — сачки, столики раскладные, стульчики, пледы толстые на земле расстелить, инструменты кое-какие, банки для пойманных бабочек,

еды, всякого еще по мелочи — и поехали. С лаборантом и сторожем университетским для помощи. Ехали весело, звонко, заняли полвагона и все щебетали да щебетали, чувствуя не скованную институтскими стенами свободу. Походили по окрестностям, выбрали солнечную пряную полянку и начали охоту. Андрей Николаич восседал сначала по-кутузовски на пригорке и следил за полем боя, улыбаясь в усы и глядя на бегающих с разноцветными сачками великовозрастных девочек, все как одна в белых летних батистовых платьях с кружевами и шляпках с развевающимися лентами. Потом не выдержал и решил присоединиться, схватив свой именной сачок, нахлобучив шляпу и легко вбежав в круг мечущихся девушек, как в морскую воду с легкой белой кружевной пеной. Ахи, охи, споткнувшаяся Соня, Андрей Николаич, оказавшийся рядом, все рассчитано и продумано до мелочей, не то природой, не то волшебным совпадением, но вот уже он ведет ее под ручку, усаживает на плед, сам садится рядом и шепчет что-то, совсем не имеющее отношения к бабочкам, судя по Сонечкиному удивленному выражению лица и разливающемуся по щекам румянцу. И уже не до практических занятий по классификации бабочек, природа звала практиковаться в любви, и оба — он и она — были к этому готовы.

— Пойдем, — сказал он и повел Сонечку по тропинке к старым дачам, стоявшим неподалеку. Она знала, зачем он ее ведет, и абсолютно не противилась, наоборот, была в ней какая-то природная готовность, какой-то вызов, что-то непонятное и яркое закипало внутри, неподвластное контролю и разуму. И эта Сонечкина полуулыбка на полудетском лице выдавала ее желание. Она даже споткнулась — упадок сил и легкая истома...

Вдруг Андрей Николаич резко остановился и обернулся к ней.

— Я хочу, чтоб ты стала моей женой. — Он вдруг резко перешел на «ты», и Сонечку это совсем не удивило. — Я люблю тебя. Я говорю тебе это сейчас, пока ничего между нами нет, понимаешь?

— Да, — выдохнула Соня, — да, да...

Они пошли дальше, к даче, которая мрачно возвышалась над старыми скрюченными сиреневыми кустами. И ключ не поворачивался в замке, и поспешные поцелуи, и неловкая суета, словно надо успеть сейчас сделать самое важное, безотлагательное и не терпящее препятствий, сразу, моментально, и пусть весь мир подождет! И оба готовы, оба, совершенно в любви неопытные, — один, пробежавший по всему свету за бабочками и имевший всего двух-трех случайных спутниц, скорее даже просто поимевший, и другая — чистая, девственная, гадающая в течение долгих

подростковых и девичьих лет, как это может в первый раз случиться, где, с кем, зашуршат ли бабочки крылышками в животе (как хорошо, что она о бабочках теперь все знает!), какие важные слова будут мужем произнесены, ведь это будет только после свадьбы, правда же? А оказалось, что нет, неправда, что бывает по-другому, намного неожиданнее и мощнее, с чувствами, на удивление более сильными, чем раньше даже могло казаться, с такими страстными словами и стонами, что как в последний раз! Да, именно так, этот первый раз, как самый последний, и больше никогда ничего не будет, никогда, и надо успеть насладиться! Они успели и сами удивились природе, которая захлестнула их обоих, превратив на время в первозданных людей, от которых зависело будущее всего человечества.

А потом венчание, свадьба и ожидание первенца, того самого, дачного, который уже почти сформировался и теперь яростно пинался под Сонечкиным сердцем.

Андрей Николаич помог Сонечке надеть шубку и еще раз посмотрел через зеркало на жену — красавица, как же я счастлив, пронеслось в голове. Сонечка улыбнулась, поправила шаль на голове, и они вышли, оставив на зеркале Сонечкины перчатки.

Зеркало было высокое, вмещавшее отражение всей большой комнаты, с полу до потолка. Оно и еще кое-что из мебели было подарено много лет назад Сониной бабушке, Наталье Матвеевне, на совершеннолетие. Подарок сделала дальняя родственница из Мышкина, неизвестно по какой причине вдруг возникшая и приславшая обстоятельное письмо, где говорилось, что она уже в годах и хочет оставить о себе добрую память — подарить фамильное зеркало самой молодой девушке из рода. Причем за зеркалом надо было приехать самолично с мамой, это было важным условием при его передаче. Наталья было покобенилась немного, ехать было долго и лень, но мама строго сказала, надо, значит, надо, и родственницу уважишь, и провинцию посмотришь, и зеркало потом в новый дом не надо будет покупать. Хотя родственницу эту мышкинскую особо и не знали и слышать о ней не слышали. Но поехали, а там на недельку и остались, погуляли-поотдыхали, старушку поразвлекали. Старушка оказалась преинтересной рассказчицей, доброй, чуть поскрипывающей, но ветви тупиковой, одинокой и бездетной, только крепостные девки и бегали у нее по двору. «Что ж раньше не звали», — спросила Наташина мама. «Так я тогда умирать не собиралась, а теперь самое время». Наташа

ное, с отполированным срезом, примыкающим к раме по всей длине и отливающим в этом месте изумрудным светом. Наталья залюбовалась и улыбнулась. Свет в зеркале играл и переливался, хотя уже наступил вечер, а единственное окно не пропускало ни лучика с улицы, только свечка и коптила убого.

— Положи руку на столик, деточка, — сказала родственница тихим голосом, почти шепотом, словно боясь кого-то спугнуть.

Наташа положила ладонь на лакированную, чуть потертую поверхность. Старушка теперь зашевелила губами совсем тихо и невнятно, накрыв Наташину руку своей. Зачем такие странные и долгие обряды, подумала тогда Наташа. Хотели подарить, дарите, а тут столько усилий и условий, даже неловко как-то.

Старушка шептала недолго. «Вот и всё, — сказала, — теперь оно по праву твое. Теперь следи, чтоб довели аккуратно, чтоб ни скола, ни трещинки, чтоб дома на видном месте поставить и беречь как зеницу ока».

— Неужели волшебное? — засмеялась Наташа.

— А может, и так, — был тихий ответ.

В общем, тогда постарались, обмотали одеялами, которые родственница выделила, завязали

веревками, положили на мешки с мукой, чтоб помягче, и довели кое-как. У нового московского, только что отстроенного дома его сняли, и Наташа со страхом стала его разворачивать сама, никого не допустив. Зеркало смотрело вверх и отражало небо. Небо оно видело впервые, в нем пролетали птицы и плыли облака. Но это было много-много лет назад. Наташа уже давно превратилась в Наталью Матвеевну, вышла замуж за хорошего, но небогатого человека, родила ему дочку, и та тоже дочку, Сонечку, но умерла в родах. Наталья Матвеевна об этом старалась не вспоминать — как это было возможно — потерять дочь и следом зятя почти в одночасье? Зять, крепко выпив, повесился на единственном крепком крюке, на люстре, посреди гостиной сразу после гибели Александры, любовь у них была какая-то болезненно ненормальная, проходили всю недолгую жизнь, держась за руки, и дышать друг без друга не могли. Вот в смерти и не разлучились. Наталья Матвеевна как раз спускалась из детской, где заснула новорожденная Сонечка, и осела, увидев в отражении зеркала грузно раскачивающееся тело зятя. Слаб оказался мужик, по мнению Натальи Матвеевны, — как дочку можно было оставить? Неправильный порыв был, не по-божески. Сначала Наталья хотела дом бросить и найти другое жилье, без воспоминаний, но по каким-то затейливым обсто-

ятельствам из усадьбочки этой в арбатских переулках семья так и не выехала, все откладывалось и откладывалось, а потом утихло все и смирилось. Наоборот, пристраивались флигельки и людские, дом надстраивался и толстел, и что-то тянуло в него, как магнитом.

А теперь зеркало смотрело на просторную гостиную с массивной дорогой люстрой, большие окна прямо перед собой и справа, углом, на прозрачную стеклянную дверь почти во всю стену, которая вела в столовую и дальше на кухню. В дальнем углу комнаты был маленький чуланчик, который использовали как вместительный книжный шкаф, куда можно было войти и выбрать нужную книгу. Сбоку от зеркала была дверь в коридор, а дальше в спальни и каморку прислуги. В комнате было много растений в неподъемных кадках (Сонечка очень любила ухаживать за цветами), а на стенах висели картины модных в то время передвижников и рамочки с редкими бабочками, которые Андрей Николаич привез из дальних стран. И мебель, легкая, модная, витая, фирмы братьев Тонет, из гнутого бука, крашенная черным лаком, очень выгодно смотрелась на фоне теплых бежевых стен. Столик посередине зеркала, конечно, пообтерся за все время, он очень был в ходу, и на него всегда что-нибудь